

Экофильность системы жизнеобеспечения черкесов

ТХАГАПСОВА Галина Григорьевна

*Кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела этнографии
и народного искусства Адыгейского республиканского ин-
ститута гуманитарных исследований
имени Т.М. Керашева, г. Майкоп, Россия.
Электронная почта: arigi@mail.ru.*

ХОТКО Самир Хамидович

*Кандидат исторических наук, ведущий научный
сотрудник отдела этнографии и народного искусства
Адыгейского республиканского института гуманитар-
ных исследований имени Т. М. Керашева, г. Майкоп, Россия.
Электронная почта: inalast@mail.ru.*

Ecological Compatibility of the Life-Support System in Circassia

Galina G. TKHAGAPSOVA

*Cand. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Leading Researcher, Department for Ethnology Studies
and Folk Art,
Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies
Maykop, Russia
E-mail: arigi@mail.ru*

Samir Kh. KHOTKO

Cand. Sci. (National History),

Leading Researcher, Department for Ethnology Studies

and Folk Art,

Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies

Maykop, Russia

E-mail: inalast@mail.ru

Аннотация

Система жизнеобеспечения в традиционной черкесской культуре отличалась гармоничностью сосуществования с окружающей средой. Черкесы выработали экофильные традиции природопользования, способствующие сохранению и воспроизводству природных ресурсов. Рациональное природопользование основывалось не только на экологически обоснованных приемах хозяйственной деятельности, но и на определенных мировоззренческих представлениях. Посредством культивирования системы лесо-садов черкесы превратили Северо-Западный Кавказ в единый огромный сад. В черкесской агрикультурной традиции доминировала лесопольная система, в рамках которой были совмещены полеводческое хозяйство и народные экологические представления. Сегодня в условиях истощения природных ресурсов, востребованным становится бесценный опыт природопользования аборигенного населения.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, черкесы, адыги, природопользование, экофильные традиции, экоцидное поведение, агрикультура, природная среда, лесо-сады, охотничий промысел.

Abstract

Life-support system in the traditional Circassian culture was characterized by the harmonious coexistence with the environment. Circassians have developed a traditions of ecology, which contributing the preservation and reproduction of natural resources. Rational use of natural resources was based not only on environmentally sound methods of economic activity, but also on the certain worldview. Through the culturing of the forest gardens Circassians had transformed the Northwest Caucasus into a huge garden. In Circassian agricultural tradition was dominated the forest-field system which combined the field crop economy and ethnic environmental representations. Today, in a time of depletion of natural resources, the invaluable experience of nature management of the indigenous population becomes actual again.

Keywords: Northwest Caucasus, Circassians, Adyghes, nature management, ecological tradition, agriculture, natural environment, forest gardens, hunting.

Система жизнеобеспечения в традиционной черкесской культуре отличалась гармоничностью сосуществования с окружающей средой. Придерживаясь концепции С. А. Арутюнова об экофильных и экофобных чертах, присущих каждой человеческой культуре, можно отнести традиционное природопользование адыгов как ярко выраженную экофильную форму [2, с. 92–98].

По мнению исследователей экофильная парадигма предполагает необходимость бережного отношения к «дикой» природе, рассматривает как ценность многооб-

разие всех ее форм, независимо от их непосредственной полезности, которая в целом представляет собой величайшее благо и добро для человека. Человек, оберегая и сохраняя природу, принимает природное естество как выражение высшей красоты, самостоятельных эстетических ценностей.

Тысячелетнее взаимодействие адыгского этноса с природной средой сформировало экофильные или так называемые адаптивные традиции природопользования, способствующие сохранению и воспроизводству природных ресурсов. Рациональное природопользование основывалось не только на **экологически обоснованных приемах хозяйственной деятельности, но и на определенных мировоззренческих представлениях**, освящалась обычаями, обрядами, табу, ритуалами, что способствовало устойчивости и незыблемости этих традиций [24, с. 38].

Особое место в традиционной экологической культуре адыгов занимает лес, природный объект, имеющий важное значение в системе жизнеобеспечения. У адыгов существовал культ священных рощ. Его описание мы находим почти у всех путешественников, побывавших в Черкесии, начиная с самых ранних (см.: [1, с. 25 — 37] [17]).

В данной статье мы рассматриваем уникальное явление в традициях природопользования адыгов — культуру формирования лесо-садов.

Северо-Западный Кавказ, территория расселения адыгов, признан крупнейшими специалистами как один из важнейших в масштабах Евразии центров доместикиции яблони, груши, сливы, черешни, каштана, некоторых других плодовых [9, с. 295—395]. На протяжении многих веков эксплуатации лесных ресурсов, черкесы сумели со-

хранить уникальные природные запасы плодовых в составе лесных массивов. Известный российский ученый Н. И. Вавилов, создатель учения о мировых центрах происхождения культурных растений, приводит в своих трудах карту распространения дикорастущих видов яблони, груши и некоторых других плодовых Кавказа [5, с. 229].

Карта (рис. 1) показывает, что наибольшие природные ресурсы были сконцентрированы на территории Северо-Западного Кавказа. В частности, район Майкопа и среднего течения Белой является «областью с преобладанием плодовых деревьев и кустарников». При этом, надо иметь в виду, что огромные леса в междуречье Белой и Лабы подверглись систематическому истреблению, начиная с середины XIX в., и данная карта фиксирует ситуацию уже после сильного истощения лесных ресурсов.

Тем не менее, Джироламо Ацци (Girolamo Azzi, 1885–1969), крупный итальянский эколог, автор исследования «Климат пшениц мира» (*Le Climat du blé dans le monde*, 1930), писал Николаю Вавилову после посещения Майкопской станции Всесоюзного института растениеводства: «О, Майкоп! Должен поздравить Вас с Вашим великолепным созданием. Я действительно почувствовал себя в центре происхождения фруктовых деревьев» [22, с. 84].

В среднем течении Белой с притоками Шунтук, Курдажипс, Чхафизепс, Майкоп, в середине XX в., отмечены такие черкесские сорта яблони: агуемий (розмарин черкесский), псибашхамий (синап черкесский сладкий), мыцёбы (черкесское кислое), другие сорта [25, карта 1]. В середине XX в. Н. В. Невзоров отмечал, что «грушевые леса Северо-Западного Кавказа являются самыми крупными в мире... Их площадь в предгорьях Северо-Западного

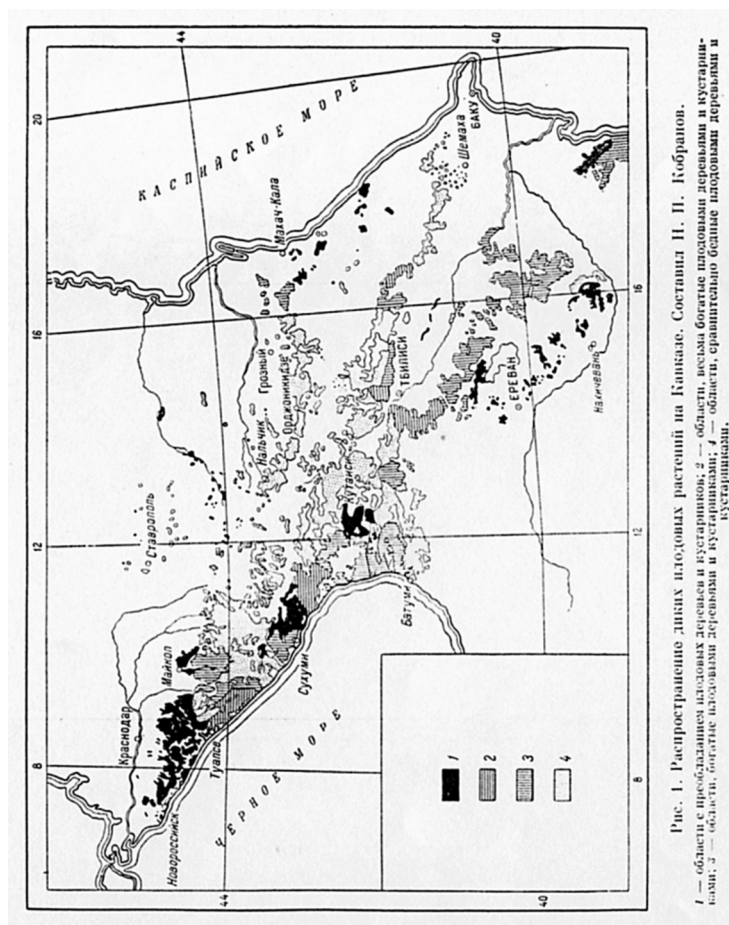

Рис. 1. Распространение диких плодовых растений на Кавказе. Составил Н. П. Кобранов.

1 — области с преобладанием плодовых деревьев и кустарников; 2 — области, весьма богатые плодовыми деревьями и кустарниками; 3 — области, богатые плодами деревьев и кустарниками; 4 — области, сравнительно бедные плодовыми деревьями и кустарниками.

Кавказа составляет от 2-4 га до 400–1000 га. Например, в районе станицы Рязанской имеются грушевые массивы размером более 1000 га» [19, с. 16].

На протяжении веков хозяйствования древние адыги превратили Северо-Западный Кавказ в единый огромный сад посредством культивирования системы лесо-садов. «Одной из особенностей адыгского садоводства, — отмечает М. Ю. Унарокова, — являлась присущая ему развитая сортовая структура, которая обеспечивала употребление свежих фруктов в течение круглого года. ...Примечательно, что адыги не ограничивались культивированием плодовых деревьев на приусадебном участках — шагухат, возделыванием садовых плантаций — чъыгхат. Окресные леса они превращали в лесо-сады. Так, в Шапсугии бытовала традиция, согласно которой каждый, кто весной выходил в лес, обязан был привить черенок одного плодового дерева... В ауле Агуй вспоминают об одном человеке, который в окрестных лесах оставил после себя около 300 плодовых деревьев» [26, с. 126–127].

Археолог П. С. Уварова, посетившая в 1886 г. множество пунктов Черноморского округа, по достоинству оценила это стремление черкесов культивировать ландшафт: «Другой, не менее похвальный обычай горцев, о котором хочется напомнить, состоял в том, что все престарелые люди, не могущие больше работать и не бывшие в состоянии нести остальных обязанностей, возлагаемых на граждан всяким обществом, должны были делать известное число прищепов на фруктовых деревьях. Следы этих забот видны еще и теперь, в особенности на абрикосовых деревьях — заботы, достойные высокоразвитого народа, напоминающего обязанности каждого отдельного гражданина по отношению к обществу и государству» [10, с. 69– 70].

Экономист А. В. Македонов, в начале XX в. исследовавший хозяйственное развитие станиц нагорной полосы Кубанской области, отмечал: «Жители рассказывают, как «азиаты» разводили постоянно сады: “уж без того он и в лес не пойдет, чтобы прищепы с собой не захватить... Так и не видя, как сад разведет”. Но, удивляясь быстрому разведению садов горцами, казак и не подумает последовать их примеру. Пренебрежение к изучению горской культуры доходило до того, что только в самое последнее время, даже учеными-садоводами, после долгого ряда неудачных опытов с садоводством в нагорной полосе, принят, наконец, горский способ прививок» [15, с. 77–78].

Выдающиеся по своим качествам деревья в значительных масштабах сохранялись и продолжали приносить огромные урожаи в середине XX в. Крупнейший специалист по истории черкесского плодоводства, ученый-селекционер Нух Ахмедович Тхагушев (1908–1983) приводит в своем исследовании «Адыгейские (черкесские) сады» данные, которые свидетельствуют об уникальных достижениях народной селекции. Описаны 100–150-летние груши сортов Хутемы (Черкесский бергамот) и Бжихакуж (Черкесская зимняя), приносившие до 1700 кг с дерева (при средней урожайности 500–1000 кг); и 90–120-летние яблони сортов Агуемий (Черкесский розмарин), Мыцебы (Черкесское кислое), Альмэ (Черкесское длинное), Мычезен (Черкесское сладкое), приносившие до 1500 кг (при средней урожайности от 400 до 800 кг) [27, с. 71–81].

И. И. Мецкерский в 1894 г. отмечал перспективность применения черкесской системы лесо-садов в России [16, с. 14–15].

Не менее значимой, чем культура леса-садов в черкесской агрикультурной традиции, является лесо-хлебная

или лесопольная, в рамках которой были совмещены полеводческое хозяйство и народные экологические представления. Адыгские земледельцы не просто расчищали лес под полеводческую культуру, но оставляли лес в максимальной сохранности. В случае его отсутствия они устраивали по периметру древесные насаждения. На участке сохраняли крупные деревья как для защиты от солнечных лучей, так и для предотвращения эрозии почвы, ее смыва после сильных ливней. Лес воспринимался в народном сознании как гарантия продовольственной безопасности [12, с. 47–48].

Одним из первых наблюдателей, обративших внимание на этническое своеобразие земледелия в Черкесии, был швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа: «Черкес поднимает целину вокруг своего жилища и сеет просо или пшеницу, с большой заботливостью стараясь сохранить гирлянду деревьев вокруг своего поля для того, чтобы защитить его и напитать влагой, такой необходимой в этом знойном климате; он оставляет даже то там, то здесь среди своих полей несколько самых прекрасных деревьев. Поэтому нет ничего более живописного, чем вид с моря на лесистые склоны долин, по которым вкраплены, словно вставленные в рамки, все эти поля разнообразных зеленых оттенков» [18, с. 142–143].

В. Борисов в 1873 г. отмечал следы лесо-хлебной системы в Туапсинском районе: «Каждая ровная площадка на горах была культивирована черкесами. И теперь еще ясно видны остатки этой культуры; каждая площадка на горе, способная к возделыванию хлеба, была обнесена довольно широкой и густой живой изгородью из бука. Вы можете видеть целые горы, разделенные на неровные гладкие участки, когда-то культивированные, и каждый подобный

участок обнесен живою изгородью. Другие горы, сплошь покрытые хорошим строевым лесом, не были культивированы» [4, с. 641–642].

Такие продуманные и щадящие формы хозяйствования позволили одному из наиболее выдающихся кавказоведов В. К. Гарданову отметить, что адыги сумели создать симбиоз агрикультурного и природного ландшафта. Высокая интенсивность земледелия при этом не сказывалась отрицательно на естественные ландшафты и природно-климатический комплекс в целом. «Вот откуда, следовательно, — делает он вывод, — проистекала та исключительная живописность черкесского ландшафта, которая приводила в восхищение иностранца. Таким образом, и сама живописность пейзажей Черкесии первой половины XIX в. была в известной степени результатом трудовой деятельности населения» [6, с. 70–71]. Приведем одно из характерных высказываний. В 1810 г. Эдмунд Даниэль Кларк побывал среди казаков на правом берегу Кубани, откуда взирал на черкесское левобережье: «Когда наступило утро, перед нами развернулась восхитительная панорама богатой страны на черкесской стороне, нечто вроде Южного Уэльса или лучшей части Кента; изысканные холмы, покрытые деревьями и плодородные долины, обработанные, как сад» [31, р. 315].

Горное полеводство. Белл многократно отмечает на страницах своего дневника различные аспекты агрикультуры в Черкесии. В Хисе, южном районе Натхокуаджа, Белл отмечает, что «земли, заключенные между крутыми скатами, были вспаханы вплоть до вершины». «Хиса в особенности показалась мне раем» [3, с. 48]. В Пшате Белл отметил, что обработка земли на холмах «простирается до трех четвертей их высоты» [3, с. 100].

Из отчета комиссии 1866 г.: «На склонах (ущелья р. Хакучипс, притока Псезуапе с правой стороны. — *Авт.*) очень много хлебородных участков, которые еще в то время (летом 1866 г. — *Авт.*), местами были засеяны, оставшимися в горах хакучинцами, кукурузой и гоми. Поля эти находились на самых неприступных местах, которые с первого раза могут показаться совершенно невозможными для культуры. Нахождение хозяйственных посевов на подобных крутизнах заставляло нас верить рассказам многих бывавших здесь прежде офицеров, сообщавших нам, что горы эти когда-то сверху донизу были покрыты прекрасными полями, и что горцы всегда имели большой запас хлебов. Но едва ли найдется в России или в западной Европе хоть одно племя, которое в состоянии было бы обработать эти горы» [27, с. 155].

Медея Кантария, специалист по агрикультуре народов Северного Кавказа, отмечала: «Используя для нужд земледелия нередко крутые склоны гор, адыги прибегали к их искусственному террасированию, укрепляя склоны при помощи каменных стен. Участки террасного земледелия встречались в горах Черкесии повсюду» [11, с. 43].

Культивация почвы. Казачий историк И. Д. Попко (1810–1893) дал весьма высокую оценку познаниям и умению адыгов работать на земле: «Кабардинцы — народ земледельческий и разумно ведущий земледелие, благодаря всесторонней наблюдательности ума: работают легким плугом, пашут мелко, тонкими пластами, с геометрической правильностью линий, зерно сеют близко к солнечному лучу и атмосферическому воздуху и редко испытывают неурожаи» [20, с. 123]. В долине Терампсе (Дагомыса) Белл заметил, что черкесы специально пахали неглубоко [3, с. 63].

Способ неглубокой обработки почвы под посевы, применявшийся черкесами, не был принят русскими переселенцами, привыкшими к глубокой обработке высокого чернозема. Однако в последние годы в связи с возникшими проблемами энергосбережения, экологизации, биологизации сельскохозяйственного производства предлагается более щадящий и менее энергозатратный метод посева зерновых культур в стерню. Этот метод сегодня широко используется во многих странах в частности в Финляндии, он дает до 60 % экономии горючего.

Осознание ценности черкесского опыта. Командующий войсками Кубанской области граф Сумароков-Эльстон в рапорте начальнику Главного штаба Кавказской армии генерал-адъютанту Карцову, от 15 августа 1865 г., предлагал к каждой станице Шапсугского берегового батальона подселить по 5-6 семейств черкесов «именно как руководителей жителей поселенных станиц в земледельной обработке горных площадей» [29, л. 1].

Во второй половине 60-х гг. и позднее, в периодической печати появлялись материалы ученых, специалистов агрономов, в которых настоятельно подчеркивалась необходимость заимствования черкесских способов культивации почвы и, в целом, черкесских достижений в сфере агрикультуры (см.: [7][21, с. 25]). Весьма красноречивые свидетельства признания агрикультурного и хозяйственного опыта адыгов содержатся в докладной записке генерал-майора Джемарджидзе, направленного с инспекцией в Черноморский округ наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем в 1870 г.: «Зима 1869 г. стояла вообще довольно суровая и жители станицы Вуланской, самой богатой земельными угодьями, не имели на зиму достаточного хлебного запаса; потратив их, они должны

были обратиться к переселенным горцам, и 4 семейства этих последних положительно прокормили всю станицу, в которой считается 90 дворов. Это факт, переданный мне самими вуланцами. Примеры такие, по свидетельству местных начальников, повторяются почти каждый год с образования поселений на южном склоне и только теперь, по сознанию самих жителей станиц, они начинают перенимать способы горского возделывания полей». [30, л. 6а].

Селекция зерновых культур. И. Н. Клинген дал высокую оценку эмпирическому знанию черкесов: «Народ этот имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культур и наиболее подходящих пород скота... Семена горцев отличались от семян низменных и степных равнин России необыкновенною мелкостью и скороспелостью; они были очень выносливы, быстро прорастали, успешно боролись с местными невзгодами, а скороспелость их обеспечивала косвенно надежный урожай, потому что ко времени засух, начинающихся обыкновенно со второй половины июня, самый критический момент роста хлебных злаков уже проходил; горцы возделывали большею частью кукурузу, пшеницу, просо (гоми), ячмень, овес, лен и коноплю. О породе этих хлебов ничего неизвестно, потому что русские поселенцы, находившие иногда на корню хлеб по уходу черкесов, не сразу оценили необходимость иметь местные семена». [12, с. 91, 51].

«Веками от побережья Черного моря до Кабардинской равнины, — отмечает В. А. Дмитриев, — шла селекция сортов проса, доведенная до появления таких сортов, которые способствовали улучшению почвы, истреблению сорняков и пр., имевших специфические свойства (одни не

боялись птиц, другие засухи и пр.). Известно, что русские и украинские переселенцы на Черноморье неодобрительно отнеслись к мелким сортам проса, высевавшегося шапсугами, не зная, что это была культура, специально выведенная для того, чтобы посевы взошли до обычных в горах Западного Кавказа июньских дождей» [8, с. 95].

Адыги бережно и рачительно относились не только к растительному миру. Окружавший их животный мир также являлся предметом охраны и религиозного культа. Обычаи и традиции способствующие поддержанию биологического разнообразия соответствующей экологической ниши передавались из поколения в поколение [28, с. 117, 120].

Формирование экофильных традиций — длительный исторический процесс, требующий глубокой адаптивности человеческого сообщества к определенной экологической нише и зависящий от многих факторов. Весь ход исторического процесса в XX в., развитие техносреды, которая своей мощью встала между человеком и природой, сделала приоритетной для человека экофобное поведение, основанное на совокупности действий, выгодных в экономическом плане для человека и зачастую направленных на разрушение природной среды.

Сегодня, в условиях истощения природных ресурсов и распада духовной культуры, включая духовные основы культуры природопользования, востребованным становится бесценный опыт природопользования абorigенного населения.

Использованная литература:

1. Агрба Б. С. Друидизм в Черкесии // Культура и быт адыгов: сб. науч. тр. Майкоп: Качество, 2005. Вып. 10. С. 25–37.

2. Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник Академии наук СССР. 1980. № 12. С. 92–98.
3. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 1.
4. Борисов В. Сельскохозяйственные очерки восточного берега Черного моря (Черноморский округ Кубанской области) // Земледельческая газета. 1873. № 41. С. 641–642.
5. Вавилов Н. И. Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Избранные произведения: в 2-х т. Л.: Наука, 1967. Т. 1.
6. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967.
7. Герко И. Что нужно для развития хозяйства за Кубанью // Кубанские Войсковые ведомости. 1869. № 9–10.
8. Дмитриев В. А. Кавказ как историко-культурный феномен. Вклад горцев Северного Кавказа в мировую культуру // Россия и Кавказ. История. Религия. Культура. СПб.: Довлатов фонд, 2003. С. 85–106.
9. Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. М.: Советская наука, 1950.
10. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшети, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. М.: Тип.: А. И. Мамонтова, 1891. Ч. 2.
11. Кантария М. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси: Мецниереба, 1989.
12. Клинген И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб.: тип. Санкт-Петербургского градоначальства, 1897.

13. Кузнецов Н. Состояние садоводства в Черноморском округе // Сельское хозяйство и лесоводство. Журнал министерства государственных имуществ. СПб, 1890. Часть CLXIII. С. 1–23.
14. Македонов А. В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж: Тип. товарищества Н. Кравцов и Ко (б. Исаева), 1908.
15. Македонов А. В. Хозяйственное положение района станиц Баракаевской, Каменноостской и Севастопольской, Кубанской области. Статистико-экономический очерк. Воронеж: Тип. Исаева, 1901.
16. Мецкерский И. И. Лесо-сады и их значение для России. СПб.: Тип. В. И. Штейна, 1894.
17. Минкевич И. И. Растения, как медицинские средства и как предмет обожания на Кавказе // Протокол Императорского медицинского общества. 1894–1895. № 1–20.
18. Монперэ Ф. Д. де. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 1. С. 83–282.
19. Невзоров Н. В. Леса Краснодарского края. Краснодар: Краевое кн. изд-во, 1951.
20. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Нальчик: Эль-фа, 2001.
21. Серебряков И. А. Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. № 1–2. С. 1–26.
22. Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавилове. Киев: Наукова думка, 1991.

23. Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864—1914: в 2-х т. / сост., вступ. ст. и прим. С. Х. Хотко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
24. Тхагапсова Г. Г. Адыгские традиции природопользования // Культура и быт адыгов: сб. науч. тр. Майкоп: Качество, 2005. Вып. 10. С. 38—44.
25. Тхагушев Н. А. Адыгейские (черкесские) сады. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1956.
26. Унарокова М. Ю. Флористический элемент в системе питания адыгов // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп: Меоты, 1998. С. 103—135.
27. Хатисов И. С. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбью // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. № 5—6. С. 3—136
28. Хутыз К. К. Охота у адыгов. Историко-этнографический аспект. Майкоп; Армавир: Адыгея, 1999. Кн. I.
29. Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 118.
30. Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 126.
31. Clarke Ed. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tartary, and Turkey. Philadelphia: Anthony Finley, 1811.